

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>

Шифр научной специальности 5.1.4

Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия

© МИКАУТАДЗЕ Сергей Романович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 389050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, mikautadze.s@yandex.ru

Аннотация

Проведен научный анализ вопроса об объекте правового регулирования. Сделан вывод о том, что именно общественные отношения представляют собой предмет уголовного права. Аргументирован вывод в пользу точки зрения отдельных ученых о том, что общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, существуют объективно и независимо от последнего. Отдельное внимание уделено вопросу о соотношении категорий уголовно-правового регулирования и социально-правового воздействия на общественные отношения. Сформулирована авторская позиция по вопросу о правовой корректности термина уголовно-правовое воздействие на общественные отношения, и сделан вывод о более правильном и предпочтительном явлении – социально-правовом воздействии, так как в реальной жизнедеятельности наблюдается реализация уголовно-правовой нормы и последствия оказываемого ею воздействия не в чистом виде, а только в контексте всего многообразия социальных инструментов, совокупности фактических правовых связей и форм общественного познания. Аргументирован тезис о том, что совершение преступления как юридический факт вызывает возникновение новых уголовно-правовых отношений, но только в объеме и в пределах тех определенных правовых связей по поводу прав и свобод человека, которые были нарушены данным преступлением. Следовательно, автор предлагает говорить о возникновении, существовании, функционировании самостоятельных уголовно-правовых отношений только условно, поскольку в каждом конкретном случае преступление искажает, нарушает определенные общественно полезные правовые связи, охраняемые уголовным законом.

Ключевые слова

общественные отношения, уголовно-правовое регулирование, правовое воздействие, объект преступления

Для цитирования

Микаутадзе С.Р. Общественные отношения как предмет уголовно-правового регулирования и объект социально-правового воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 85-93. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>

Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact

© Sergey R. MIKAUTADZE,

PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics Department, Lipetsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 3 Internatsionalnaya St., 389050, Lipetsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-0198-5947>, mikautadze.s@yandex.ru

Abstract

A scientific analysis of the issue of the object of legal regulation has been carried out. It is concluded that it is social relations that constitute the subject of criminal law. The conclusion is argued in favor of the point of view of individual scientists that social relations protected by criminal law exist objectively and independently of the latter. Special attention is paid to the issue of the relationship between the categories of criminal law regulation and socio-legal impact on social relations. The author's position is formulated on the issue of the legal correctness of the term criminal legal impact on social relations, and a conclusion is made about a more correct and preferable phenomenon – social and legal impact, since in real life there is an implementation of the criminal legal norm and the consequences of its impact are not in pure form, but only in the context of the whole variety of social instruments, the totality of actual legal connections and forms of social cognition. The thesis is argued that the commission of a crime as a legal fact causes the emergence of new criminal legal relations, but only to the extent and within the limits of those specific legal connections regarding human rights and freedoms that were violated by this crime. Consequently, the author proposes to talk about the emergence, existence, and functioning of independent criminal legal relations only conditionally, since in each specific case the crime distorts and violates certain socially useful legal relations protected by criminal law.

Keywords

public relations, criminal law regulation, legal impact, object of crime

For citation

Mikautadze, S.R. (2024). Public relations as a subject of criminal law regulation and an object of social and legal impact. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 85-93 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-85-93>

Введение

В теории уголовного права существует несколько точек зрения по вопросу о том, что же составляет предмет данной правовой отрасли. Одни из ученых говорят об общественных отношениях, охраняемых уголовным законом. Это понимание предмета уголовно-правового регулирования является господствующим в отечественной теории уголовного права. Так, Ю.И. Ляпунов, исследуя вопрос о предмете регулирования уголовного права, понимает под ним «упорядоченность посредством действия правовых норм общественных отношений в интересах граждан, социума и государства» [1, с. 48]. В.Я. Тацкий, говоря об общественных отношениях как об объекте уголовно-правовой охраны, отмечает, что это «определенные связи между людьми (субъектами отношений), скла-

дывающиеся в процессе их совместной материальной и духовной деятельности на основе определенного способа производства и специфики, проявляющейся на каждой ступени естественноисторического развития общества» [2, с. 12]. По мнению Н.И. Коржанского, предметом правового регулирования и непосредственным объектом преступления «являются именно общественные отношения, то есть преступление всегда направлено на изменение общественных отношений. Всякое преступление прямо, а не косвенно посягает на общественные отношения» [3, с. 43].

В общей теории права под предметом правового регулирования принято понимать «разнообразные общественные отношения, которые объективно по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в существующих условиях

требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм и всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования. В качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение участников общественных отношений, через которое только и можно осуществлять стимулирование или принуждение» [4, с. 376].

Результаты исследования

Наряду с общепризнанной концепцией, согласно которой предметом уголовно-правового регулирования и объектом уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, в науке уголовного права есть и другие точки зрения. Одна из них была высказана А.А. Пионтковским – «объектом всякого преступления одновременно является и соответствующее общественное отношение и соответствующие правовые нормы, которые регулируют эти отношения...», «...посягательство на соответствующий объект всегда связано с нарушением правовой нормы» [5, с. 83].

Соглашаясь с тем, что преступление, безусловно, нарушает установленное в правовой норме правило поведения, следует согласиться с мнением Л.Д. Гаухмана, что «уголовно-правовая норма вторична по отношению к общественным отношениям, именно для и ради их охраны эти нормы введены в закон и существуют» [6, с. 47].

Представляющей не меньший научный интерес является точка зрения ученых о том, что объектом уголовно-правовой охраны являются определенные блага (интересы) человека, общества, государства. Одним из первых данная категория в качестве предмета правового регулирования была введена профессором Б.С. Никифоровым [7, с. 12]. По мнению В.К. Глистина, «общественные отношения производны от интересов, интерес – понятие гораздо более сложное, чем общественное отношение, которое является материальным субстратом любых интересов. Интересы создают общественные отношения» [8, с. 188].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет точка зрения ученых о том, что общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, существуют объективно и независимо от последнего. В связи с этим, по мнению М.Д. Шаргородского,

«...не при каких обстоятельствах общественные отношения не превращаются в уголовно-правовые» [9, с. 18]. Соглашаясь с данным мнением, Я.М. Брайнин пишет, что, включенные в предмет уголовного права, они «лишь становятся под охрану уголовного закона, и последний никакого значимого влияния на них не оказывает. Точнее не изменяет, не регулирует, как и не трансформирует их в уголовно-правовые отношения, поскольку они функционируют независимо от него, следовательно, самостоятельного предмета правового регулирования в уголовном праве нет, как и в других отраслях права (имущественные общественные отношения, трудовые отношения и т. д.), есть указания на объект, то есть на общественные отношения, которые охраняются уголовным правом» [10, с. 112].

Данные ученые, чья позиция нам наиболее близка, утверждают, что предметом уголовно-правового регулирования выступают, «прежде всего, те общественные отношения, которые возникают в связи с совершением преступления» [11, с. 67].

Одним из первых, кто высказал мнение о том, что общественные отношения существуют самостоятельно в значении уголовных правоотношений, принадлежало М.С. Строговичу, который сформулировал определение уголовно-правового отношения как «...выраженного в законе отношения государственной власти к лицу, совершившему действие, рассматриваемое законодателем как преступление». В дальнейшем данную точку зрения в учении о непосредственном объекте преступления поддержали А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский и некоторые другие. Преступление порождает анти-социальные общественные отношения – «отношения особого рода – вредные и опасные для охраняемых уголовным законом общественных отношений. Особенность их в том, что они урегулированы уголовным законодательством и поэтому с момента их возникновения становятся уголовно-правовыми» [9, с. 25]. Продолжая данную мысль, Ю.И. Ляпунов пишет, что «только реальные противоправные поведенческие акты людей, опасные для интересов личности, общества и государства, и возникающие при этом фактические социальные связи (отношения), но отнюдь

не их юридические формы, в чем бы они ни выражались, могут быть предметом регулирования уголовного права. Правомерные действия законопослушных граждан в самых разнообразных сферах их жизнедеятельности абсолютно индифферентны для уголовного права, далеко лежат за пределами регулятивного воздействия его норм» [1, с. 48]. Данная позиция, определяющая предмет уголовно-правового регулирования в качестве общественных отношений в границах уголовных правоотношений, реализуемых в связи с совершением конкретного преступления, является наиболее часто выраженной сегодня в науке уголовного права [21, с. 52].

Считаем верным согласиться с аргументами о возможности признания предмета уголовно-правового регулирования как обособленного понятия. Однако нельзя не согласиться с мнением Г.О. Петровой, что «ученые, определяя предмет уголовно-правового регулирования, принимают за основу статьи уголовного закона и его задачи. При этом существует стремление связать положения уголовно-правовой нормы именно с правомерным поведением» [11, с. 34].

На наш взгляд, утверждение о том, что уголовное право, как совокупность таких норм, никакого влияния на общественные отношения не оказывают, не участвует в их регулировании, не совсем верно. Но и утверждать, что нарушение уголовно-правовых норм способно трансформировать, изменять общественные отношения, имеющие социальную природу, мы тоже не будем. На наш взгляд, наиболее подходящим является высказывание Л.Д. Гаухмана о том, что «при взятии общественных отношений под защиту уголовного права они объявляются объектом уголовно-правовой охраны и признаются возможным объектом преступления (при определенных условиях). Однако такое объявление не изменяет сущность общественных отношений» [6, с. 47].

Обосновывая свою позицию, целесообразно исследовать и соотнести категории социально-правового воздействия и уголовно-правового регулирования общественных отношений.

По мнению Т.Н. Радько, «...следует различать собственно регулирование (регламентацию), воздействие в процессе регулирова-

ния и воздействие вне регулирования, то есть интеллектуально-волевою и воспитательную стороны действия права» [12, с. 346]. Считаем нужным согласиться с тезисом ученого и пониманием связи процесса регулирования в рамках механизма правового регулирования с состоянием упорядоченности общественных отношений, составляющих предмет данного регулирования. В содержании этого процесса проявляется воздействие уголовно-правовых норм на поведение субъектов общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Благодаря данному воздействию уголовный запрет обеспечивает понимание и признание границ свободы дозволенного и запрещенного поведения, наделяя субъектов данных общественных отношений «свободой ограниченного выбора, и тем самым участвует в регулировании общественных отношений» [24, с. 11]. Воздействуя вне регулирования, право имеет своей целью обеспечить правопорядок как состояние защищенности общества от преступности как одной угроз национальной безопасности страны. «Сконструированный в рамках данной правовой идеологии уголовный закон воздействует на поведение человека и его отношения с другими людьми, а также обществом и государством, осуществляя при этом общепредупредительную функцию. Пределы свободы государства по ограничению, вмешательству в сферу поведения человека определяются гарантированными правами и свободами гражданина» [24, с. 12].

В связи с этим следует согласиться с утверждением А.В. Малько, согласно которому, «если правовое регулирование как специально-юридическое воздействие всегда связано с установлением конкретных прав и обязанностей субъектов, с прямыми предписаниями о должном и возможном, то правовое воздействие – не всегда. Если первое означает осуществление правовых норм через правоотношения, то второе – необязательно» [13, с. 523].

Следовательно, социально-правовое воздействие может включать в себя правовое регулирование в качестве одной из форм, при этом оно явно шире правового регулирования, поскольку не связано только с регламентированием общественных отношений и охватывает разнообразие других его форм,

таких как воспитательной, предупредительной, информационно-психологической и др.

Следует согласиться с мнением Ю.С. Жарикова, согласно которому «уголовно-правовое регулирование может оказывать воздействие на поведение людей лишь посредством правовых (юридических) норм. В отличие от него, уголовно-правовое воздействие осуществляется в рамках предупредительной и воспитательной функций уголовного права, не связано жестко с действующим правом и может осуществляться помимо этой регламентации, имеет более широкий субъектный состав адресатов, характеризуется наличием не только правовых средств, а прежде всего и иных социальных факторов, в частности экономических, политических, культурных и нравственных» [17, с. 183].

Соглашаясь в целом с указанной позицией автора, заметим, насколько уместно и правильно говорить об уголовно-правовом, а не о социально-правовом воздействии? Сам автор цитаты отмечает, что это воздействие «...не связано жестко с действующим правом и может осуществляться помимо этой регламентации». Берет ли правовое воздействие свои истоки в уголовно-правовой норме, как чисто юридической категории или все-таки его правовая природа связана с правовым запретом, который в свое время С.С. Алексеев, на наш взгляд, справедливо отнес к явлению, «...которое по самой своей субстанции имеет черты социально-правового феномена» [18, с. 75]. На наш взгляд, именно в таком широком понимании явления социально-правового воздействия использовать его предпочтительнее. Поскольку в реальной жизнедеятельности мы наблюдаем реализацию уголовно-правовой нормы и последствия оказываемого ею воздействия не в чистом виде, а только в контексте всего многообразия социальных инструментов, совокупности фактических правовых связей и форм общественного познания. В этой связи А.И. Бойко справедливо отмечает, что «настоящее уголовное право и юриспруденция вообще начинаются на стыке права и жизни, различных отраслей знания и управления» [19, с. 15].

Возвращаясь к вопросу о предмете уголовно-правового регулирования, отметим, что в философии общественные отношения – это определенные связи между субъектами от-

ношений, складывающиеся в процессе их материальной и духовной деятельности. Однако уголовное право берет под охрану не всю совокупность социальных отношений, а только отдельные из них. А.Э. Жалинский справедливо отмечает, что «собственность есть важнейшее правовое благо, однако уголовным законом охраняются лишь отдельные его стороны, в частности, господство владельца над вещью, не сводимое к правомочиям владения (в тесном смысле слова), пользования и распоряжения. Именно охраняемое правовое благо в рамках уголовно-правового запрета преобразуется в объективную сторону и во все иные признаки, а не только в объект, субъект состава преступления» [20, с. 363].

Таким образом, общественные отношения, являющиеся предметом уголовно-правового регулирования, – это фактические общественные отношения, существующие независимо от их правовой формы, независимо от уголовного законодательства. По мнению Л.Д. Гаухмана, это ограничивает объект преступления от уголовно-правовой нормы и уголовного правоотношения. Ученый считает, что отдельным преступлением нарушается конкретное право, благо и базирующееся на нем правоотношение. «Однако и то и другое является только правовой формой фактических общественных отношений, по отношению к последним вторичны и нарушаются попутно» [6, с. 49].

Однако данное утверждение нуждается в уточнении. Представляется очевидным, что преступлением нарушается установленный порядок связей между людьми, вызывающий изменение общественных отношений. Прав Н.И. Коржанский, утверждающий, что «там, где нет посягательства на общественные отношения, где путем изменения общественных отношений не причиняется социальный вред, нет преступления» [3, с. 124]. Не оказывая значимого влияния на общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны (общий объект), общественно опасное посягательство, хотя и попутно, но нарушает, повреждает или уничтожает конкретные общественные отношения, составляющие непосредственный объект преступления. Именно в объеме непосредственного объекта преступления общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, при-

чиняется социальный вред, наносится ущерб, происходит их нарушение, разрушение или изменение. Именно эти общественные отношения признаются государством нуждающимися в уголовно-правовом регулировании и охране уголовно-правовыми средствами. Как отмечает Я.М. Брайнин, «преступление, посягая на те или иные общественные отношения, объективно не уничтожает их и не изменяет их, а наносит ущерб лишь отдельным элементам этих отношений» [21, с. 209].

Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что под общественными отношениями как объектом уголовно-правовой охраны следует понимать определенную совокупность социально-правовых связей между людьми, государством и обществом по поводу возникновения, существования и реализации наиболее ценных, основных конституционных прав и свобод, а также обязанностей в процессе их совместной жизнедеятельности. Преступление, посягая на общественные отношения, повреждает, нарушает и даже разрушает отдельные из этих связей, причиняя им существенный вред, но не ломает при этом основной «стержень» данной совокупности.

Объясняя свое понимание сущности общественных отношений, некоторые ученые наглядно приводят в качестве примера посягательства на отношения собственности. Считаем целесообразным обратиться также к этому примеру. Так, хищением здесь нарушается определенная совокупность правовых связей человека по поводу права собственности на конкретную вещь, материальный предмет. Данное нарушение связей, безусловно, социально вредно, поскольку лишает человека возможности пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Но оно не отменяет права собственности на эту вещь потерпевшего – субъекта данных социально-правовых связей, и не наделяет правом собственности в отношении этой вещи преступника. Таким образом, «стержневая» совокупность социально-правовых связей по поводу права собственности человека не нарушается и не повреждается. И, следовательно, фактические общественные отношения по поводу права собственности существуют независимо от последствий нарушения уголовного запрета. «Ответственность правонарушителя вторична, она корреспондируется с принад-

лежащим государству правом принуждения в рамках правового регулирования и реализуется в виде обязанности понести наказание за нарушение конкретного уголовно-правового запрета определенным лицом» [22, с. 427].

Те правовые связи по поводу права собственности на конкретную вещь, которые были нарушены преступлением, представляют собой правоотношения, которые находятся под охраной уголовного права и, в связи с этим, наделяются уголовно-правовым содержанием. Однако уголовно-правовой характер данных правоотношений не определяется их правовой природой, напротив, он связан исключительно с фактом совершения преступления, которым нарушается уголовно-правовая норма как основа данных правоотношений.

Следовательно, необходимо различать понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления». И, в связи с этим, возникает вопрос о необходимости теоретического существования понятия «общий объект» и целесообразности его конкурентирования с понятием «объект уголовно-правовой охраны».

Данные социально-правовые связи человека по поводу права собственности как объект преступления, думается, как раз и рассматриваются А.Э. Жалинским, как «охраняемое правовое благо в рамках уголовно-правового запрета» [20, с. 363].

Другими учеными данные социально-правовые связи раскрываются через понятие составных элементов общественного отношения. Структурные элементы общественных отношений в качестве объекта преступления признают А.А. Пионтковский, Б.С. Никифоров, В.Н. Кудрявцев и многие другие. К числу таких элементов ученые причисляют субъектов – как носителей отношений, предметы, по поводу которых отношения формируются, и социальные связи в качестве содержания отношений.

На наш взгляд, включение в структурные элементы предметов материального мира, на которые непосредственно направлено внимание преступника, совершающего преступление, не способствует уяснению различий предметов и социальных связей по поводу прав на эти предметы в качестве объекта преступления. Не только практические работники, но и некоторые ученые отождест-

влияют предмет и объект преступления, что приводит к ошибкам в правоприменительной деятельности и, на наш взгляд, порождает неточности в теории уголовного права. Ведь, как известно, например, деньги являются предметом многих преступлений, разнесенных законодателем по разным разделам и главам Уголовного кодекса РФ. Однако, например, получение взятки в виде денег посягает на общественные отношения, обеспечивающие и охраняющие интересы государственной службы, а та же кража денег предусматривает в качестве объекта уголовно-правовой охраны отношения собственности.

Заключение

Считаем, что под общественными отношениями как объектом уголовно-правовой охраны следует все-таки понимать определенную совокупность социально-правовых связей между людьми по поводу прав на материальные предметы. В этой части, на наш взгляд, прав Ю.И. Ляпунов, который пишет, что «общественные отношения как объект преступления не включают в себя ничего вещественного. Поэтому ни люди (субъекты отношений), ни действия людей, ни материальные предметы – объекты отношений, не являются структурными элементами общественных отношений» [1, с. 53].

Но трансформирует ли преступление как юридический факт общественные отношения в самостоятельные уголовно-правовые?

В теории уголовного права существуют различные точки зрения по поводу классификации общественных отношений, составляющих объект уголовно-правовой охраны. Одной из приемлемых, на наш взгляд, является классификация, предложенная В.А. Номенковым, который «подразделяет уголовно-правовые отношения на общерегулятивные, охранительные и конкретно-регулятивные. Общерегулятивные правоотношения возникают с момента вступления в силу уголовно-правовых норм. Они распространяются на государство и всех граждан, могущих быть субъектами преступления. Охранительные, собственно уголовно-правовые, отношения возникают вследствие «разрыва» общерегулятивных отношений фактом совершения преступления» [23, с. 122].

Хотелось бы отметить, что разделение общественных отношений на виды в зави-

симости от наступления юридического факта – совершения преступления, нам представляется не совсем правильным. Совершением преступления находящиеся под охраной уголовного закона общественные отношения не видоизменяются и не трансформируются в уголовно-правовые и уж тем более не прерываются, о чем уже говорилось выше. Более точно было бы выделять не виды общественных отношений, охраняемых уголовным правом, а функции уголовного права по отношению к регулируемым и охраняемым им общественным отношениям. По нашему мнению, здесь можно согласиться с автором вышеупомянутой классификации о целесообразности выделения общерегулятивной, охранительной и конкретно-регулятивной функций уголовно-правовой нормы.

Совершение преступления как юридический факт, по нашему мнению, вызывает возникновение новых уголовно-правовых отношений, но только в объеме и в пределах тех определенных правовых связей по поводу прав и свобод человека, которые были нарушены данным преступлением. В каждом конкретном случае преступление искажает, нарушает определенные общественно полезные правовые связи, охраняемые уголовным законом, проявляет, таким образом, свой антисоциальный, вредный и опасный характер. Являясь причиной нарушения конкретных социально-правовых связей, акт нарушения правового запрета переводит фактические общественные отношения в плоскость правоотношений, приобретающих уголовно-правовой характер ввиду воздействия на них средств механизма уголовно-правового регулирования. Как отмечает М.Ю. Дворецкий, «уголовно-правовое отношение имеет объективную предопределенность, и его последующее непосредственное наличие никак не связано с каким-либо определенным субъективным фактором» [24, с. 75]. Следовательно, говорить о возникновении, существовании, функционировании самостоятельных уголовно-правовых отношений, на наш взгляд, можно только условно. Как пишет Я.М. Брагинин: «Самостоятельный характер уголовного права определяется той ролью, которую оно выполняет по охране всей системы общественных отношений и всего правопорядка от преступных посягательств» [21, с. 21].

Список источников

1. *Ляпунов Ю.И.* Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 48-54.
2. *Тацкий В.Я.* Объект и предмет преступления. М.: Госиздат, 1986. 212 с.
3. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. 248 с.
4. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с. <https://elibrary.ru/rmlyff>
5. *Пионковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М.: Госиздат, 1961. 666 с.
6. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Академия управления МВД России, 2001. 547 с.
7. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с.
8. *Глистин В.К.* Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 248 с.
9. Курс советского уголовного права. Т. 1: Часть общая / под общ. ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 646 с.
10. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1963. 275 с.
11. *Стромов В.Ю.* Проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики в эффективности предупредительного воздействия системы наказаний // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Вып. 1 (5). С. 66-70. <https://elibrary.ru/vsnxsl>
12. *Дворецкий М.Ю.* Формы уголовной ответственности и их виды в контексте эффективной реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Т. 2. Вып. 3 (7). С. 48-56. <https://elibrary.ru/uogmbbs>
13. *Петрова Г.О.* Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 47 с.
14. *Радько Т.Н.* Теория государства и права. М.: Проспект, 2004. 359 с.
15. *Микаутадзе С.Р.* Уголовно-правовой запрет в регулировании общественных отношений // Научный портал МВД России. 2013. № 4 (24). С. 10-14. <https://elibrary.ru/rtezlx>
16. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. 585 с.
17. *Жариков Ю.С.* Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М.: Юриспруденция, 2009. 210 с.
18. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 286 с.
19. *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права: в 3 т. Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2007. Т. 1. 508 с.
20. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. 400 с.
21. *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967. 240 с.
22. *Микаутадзе С.Р.* Правовая природа уголовной ответственности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 422-428. <https://elibrary.ru/repdaf>
23. *Номоконов В.А.* Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 157 с.
24. *Дворецкий М.Ю.* Эффективность реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Вып. 1 (5). С. 70-75. <https://elibrary.ru/vsnxsv>

References

1. Lyapunov Yu.I. (2005). Ugolovnoe pravo: predmet i metod regulirovaniya i okhrany [Criminal law: subject and method of regulation and protection]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], no. 1, pp. 48-54. (In Russ.)
2. Tatsiy V.Ya. (1986). *Ob"ekt i predmet prestupleniya* [Object and Subject of the Crime]. Moscow, Gosizdat Publ., 212 p. (In Russ.)
3. Korzhanskiy N.I. (1980). *Ob"ekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany* [Object and Subject of Criminal Legal Protection]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 248 p. (In Russ.)
4. Alekseev S.S. (1999). *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of Comprehensive Research]. Moscow, Statut Publ., 712 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rmlyff>

5. Pionkovskiy A.A. (1961). *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugovnogo prava: Obshchaya chast'* [The Doctrine of Crime in Soviet Criminal Law. Course of Soviet Criminal Law: General Part]. Moscow, Gosizdat Publ., 666 p. (In Russ.)
6. Gaukhman L.D. (2001). *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 547 p. (In Russ.)
7. Nikiforov B.S. (1960). *Ob'ekt prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu* [The Object of the Crime According to Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 229 p. (In Russ.)
8. Glistin V.K. (1979). *Problemy ugovno-pravovoy okhrany obshchestvennykh otnosheniy* [Problems of Criminal Legal Protection of Public Relations]. Leningrad, Leningrad University Publ., 248 p. (In Russ.)
9. Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. (general ed.). (1968). *Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Chast' obshchaya* [Course of Soviet Criminal Law. General Part]. Leningrad, Leningrad University Publ., 646 p. (In Russ.)
10. Braynin Ya.M. (1963). *Ugovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugovnom prave* [Criminal Liability and its Basis in Soviet Criminal Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 275 p. (In Russ.)
11. Stromov V.Yu. (2016). Questions of criminal-legal theory and law enforcement practice in preventive effect in system of penalties efficiency. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Tambov University Review. Series Politics and Law*, issue 1 (5), pp. 66-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsnxsl>
12. Dvoretzkiy M.Yu. (2016). The forms of criminal liability and their types in the context of effective realization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Tambov University Review. Series Politics and Law*, vol. 2, issue 3 (7), pp. 48-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uogmbs>
13. Petrova G.O. (2003). *Ugovno-pravovoe regulirovanie i ego sredstva: norma i pravootnoshenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal Legal Regulation and its Means: Norm and Legal Relationship: Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. N. Novgorod, 47 p. (In Russ.)
14. Rad'ko T.N. (2004). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. Moscow, Prospekt Publ., 359 p. (In Russ.)
15. Mikautadze S.R. (2013). The criminal legal prohibition in regulating social relations. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*, no. 4 (24), pp. 10-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rtezlx>
16. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (ed.). (2004). *Teoriya gosudarstva i prava. 2-e izd.* [Theory of Government and Rights. 2nd ed.]. Moscow, Yurist' Publ., 585 p. (In Russ.)
17. Zharikov Yu.S. (2009). *Ugovno-pravovoe regulirovanie i mekhanizm ego realizatsii* [Criminal Legal Regulation and the Mechanism for its Implementation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 210 p. (In Russ.)
18. Alekseev S.S. (1989). *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 286 p. (In Russ.)
19. Boyko A.I. (2007). *Sistema i struktura ugovnogo prava: v 3 t. Sistemologiya i strukturalizm v sovremennoy poznavatel'noy kul'ture* [The System and Structure of Criminal Law: in 3 vols. Systemology and Structuralism in Modern Cognitive Culture]. Rostov-on-Don, North Caucasus Academy of Public Administration Publ., vol. 1, 508 p. (In Russ.)
20. Zhalinskiy A.E. (2009). *Ugovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz* [Criminal Law in Anticipation of Change: Theoretical and Instrumental Analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 400 p. (In Russ.)
21. Braynin Ya.M. (1967). *Ugovnyy zakon i ego primenenie* [Criminal Law and its Application]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 240 p. (In Russ.)
22. Mikautadze S.R. (2013). Legal nature of criminal responsibility. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, no. 2 (15), pp. 422-428. (In Russ.) <https://elibrary.ru/repdaf>
23. Nomokonov V.A. (1989). *Prestupnoe povedenie: determinizm i otvetstvennost'* [Criminal Behavior: Determinism and Responsibility]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 157 p. (In Russ.)
24. Dvoretzkiy M.Yu. (2016). Efficiency of criminal responsibility realization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Tambov University Review. Series Politics and Law*, issue 1 (5), pp. 70-75. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsnxsv>

Поступила в редакцию / Received 16.11.2023

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2024

Принята к публикации / Accepted 18.03.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)